

Автограф
42

*Светлой памяти
библиофила Ю. П. Кочина*

АВТОГРАФ

Литературно-художественный журнал

42

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХИ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ	3
А. Климов. Е. Саблина. А. Дудкин и др.	3
В МИРЕ РУБЦОВА	8
Николай Матвеев	8
Вячеслав Белков	10
<u>М. Свистунов</u>	12
Н. Кузнецов	12
В. Бакуменко «Старая дорога»	13
ИЗБРАННОЕ	15
Михаил Сопин	15
Виктор Тихонов	17
КРИТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА	19
События	19
Из писем читателей	19
«Хоровая тетрадь» Игоря Белкова	20
Наш современник	21
Ю. Поляков	22
М. Деникина	22
В. Хатюшин	22
А. Солженицын	23
Беседа с писателем	23
Памяти А. Сидоренко	24
Книжная полка	25
КОРОТКАЯ ПРОЗА	26
Николай Усанов	26
ГРАФИКА	28
Виталий Бакуменко	28
Геннадий Кулишов	30
Николай Неймен	31
ДОПОЛНЕНИЕ	32
На холме — три тополя	32
Марина Курилова	33
Александр Дубинин	34
Н. Рубцов «Sail, sail, sail...»	35

На обложке журнала — гравюра Василия Леоенко.

Николай ЗИНОВЬЕВ

ПОЭТ

Все в мире заняты делами.
Какое множество судеб!
Кто камни делает хлебами,
Кто в камни превращает хлеб.

Найдите дело мне, поэту:
Лишь я один — ни то, ни сё,
Сию, верчу в руках планету,
Где происходит это всё.

Николай ДМИТРИЕВ

* * *

В то, что не воскреснет Русь,
— не верь,
Копят силы и Рязань, и Тверь.
На Рязани есть еще частушки,
Есть ещё под Вологодой чернушки.
Силы есть для жизни, для стиха.
Не смётёт век ни Чудь, ни Мерю —
В то, что не воскреснет Русь,
— не верю.
Не возьму я на душу греха.

Ольга АЛЕКСАНДРОВА

* * *

Где небо начинается?
С каких таких высот?
Не в дом ли упирается,
Где хитрый дел живет?

А крыша-то не латана
Не счесть уж сколько лет:
Под ветхими заплатами
Проглядывает свет,

И чудится — качается,
Того гляди — прижмёт...
А дед в ус ухмыляется:
Как с Богом повстречается,
За всё предьявит счет...

Николай БУШЕНЕВ

* * *

Не ценят и не жалуют.
Видать, не заслужил.
Хотя старался, вкалывал,
Учился и учил.

Дела мои неважные.
И это потому,
Что вдруг труды бумажные
Всем стали ни к чему.

Пустыми стали веские
И ёмкие слова.
А грубые да резкие
Пошли качать права.

И ловкачей, расстроивших
Огромную страну,
Слова мои хорошие,
Увы, клонят ко сну.

И лишь дождинок горсточка
В ладонь, снимая стресс,
От ангельского облачка,
С целительных небес.

Константин ПАВЛОВ

* * *

Я влюблен в этот северный край.
Да и связан с ним не понарошку,
Где весь год пьют с баранками чай,
А весной все сажают картошку.

Где в июне косые дожди
И соцветия радуг над крышей,
И в июле погоды не жди,
Если нет указания свыше.

Где за полем болота, леса,
А чуть глубже — сплошные чертоги.
Там такие царят чудеса,
Поутру там из клюквы роса,
И вокруг ни тропы, ни дороги.

Я влюблен в этот северный край.
Потому что в его глухомани
Есть земной нерастраченный рай.
И он манит.

Виталий СЕРКОВ

* * *

Мне некуда больше спешить...
(из старинного романа)

Как будто я этого стою:
Со мною прощаясь, ноябрь
Хрустит пересохшей листвою
И гонит озерную рябь.

И лес, на ветру содрогаясь,
Последний роняет наряд;
На зов декабря откликаясь,
Рябины багрянцем горят;

Перину пуховую тучи,
Спеша, раздирает норд-ост.
Денек — и пушинки, летучи,
Укроют и крыши, и мост.

А я, озирая пространство
И следуя в плен к декабрю,
«Спасибо, — шепчу. — за убранство»,
«До встречи, ноябрь!» — говорю.

Судьба не представила шанса
С природой в гармонии жить,
И, словно герою романа,
Мне некуда больше спешить...

Любовь СТАРОВОЙТОВА

* * *

Тихонько, медленно, украдкой
Ночь пробралась походкой шаткой.
И стало вдруг темным-темно,
Как будто ты попал на дно.
Лишь только светлячки одни
Несут земле свои огни,
Да небо звёздами сияет,
Звезда летит, дух замирает,
Желанье загадать спешишь
И в вечность медленно летишь.
А там созвездий хоровод
Вселенной тайну бережёт:
Ковш яркий над землёй повис,
И профиль Девы светел, чист,
И Андромеда, и Персей
Пленяют нежностью своей.
Вот Водолей и Близнецы,
И бегают всех видов Псы,
Дракон лежит, Змея и Лира —
Здесь спрятана отгадка Мира.

Александр КРУГЛИКОВ

* * *

Весенний двор.
Свисая с белых крыш,
Сосульки тают.
Музыку капли
Заворожено слушает малыш,
Забывши про мультфильмы и качели.
И слушает заснеженный старик
Капли будоражащие звуки.
Сто весен позади, а не привык.
Дай Бог, чтоб не привыкли наши внуки!

Петр КУЗЬМИН

ЭПИГРАММЫ

Б. Ельцину

Он Русь поставил на дыбы,
Петр словно, не иначе.

Казалось, так тому и быть,
...не сделай, жалкой клячей,
стоящей на ногах едва,
Не дай Бог рухнет скоро.
И отпадут хвост, голова...
Что значит Бори шпора!

В. Геращенко

Прежде спас Госбанк Союза
и Российский Центробанк.
В Юкос двинул и не сгузал,
не для денег, мол, обуза —
против власти прет ва-банк.

Е. Миронову

Был недавно просто гений,
Влез в роль Мышкина и вот
стал Евгений без сомнений
идеальный «идиот».

Александр ДУБИНИН

* * *

Эфир визжит и молится
В сусеке бытия.
Пропахла морем горница.
Теряются края.

И ржавая, и грязная,
И всякая земля.
Конечно, безобразная.
Не для чего, а зла.

Соскучился по солнышку.
За каждым жду углом.
Ключу его по зернышку.
С надеждой в окоем...

Александр ДУДКИН

* * *

С войны кричит и шлет убитых.
из тюрем пишет письма
и безнадежно ждет защиты
от евнуха и болтуна

народ беспутный мой, но стойкий,
но терпеливый, но слепой,
но от попойки до попойки
мыслитель но, но и герой.

И непонятно чем живущий,
и как живущий, и зачем,
по-мазохистски душу рвущий
и исчезающий совсем.

Тревожно за него и горько,
то гордость властвует, то стыд...
Хотя им прожито не столько,
не столько, сколько надо жить.

Александр ЯКУНОВ

* * *

ЛЕА

телефонными ласками
мне тебя не согреть
избалованы сказками
мы боимся стареть
обрастать постоянствами
гнуть хребет день за днем
ошетинившись пьянством и
темноликим огнем
мы больны одиночеством
наши встречи не лгут
как по имени-отчеству
эту силу зовут
чем бы сердце не тешилось
лишь бы знало ее
да на шею не вешалось
как пустой медальон
оступаясь и падая
я настигну тебя
полуночной руладой
звонко в ухо труба
но устами лукавыми
ты смеешься в ответ
или будем не правы мы
по прошествии лет

г. Череповец

Николай ПАНКОВ

МОСКВА И ВОЛОГДА

Есть на земле два города.
За них всегда молюсь:
Мои Москва и Вологда —
Святая наша Русь!
Седые храмы в золоте,
Сияют купола;
В моих Москве и Вологде
Звонят колокола.
Вы выглядите молодо,
Горят цветов костры;
Мои Москва и Вологда —
Родные две сестры.
И в пламени, и в холоде
Не раз бывали вы;
Дай Бог Москве и Вологде
Небесной синевы!

Михаил ГРИГОРЬЕВ

* * *

Кругом разбросаны наряды,
они и бывшие — прекрасны,
и мы, по ним ступая, рады
шуршанью, ликованью красок.
О если б взять и вдруг отринуть
всю суету сует, тревоги
и в красоте блаженно сгинуть,
забыв назад пути-дороги;
стать ветра лёгким дуновеньем,
найти приют в дремучей чаше
и слушать музыку мгновений
о вечном и о преходящем...
А в час полночный, сокровенный,
когда уснут и зверь, и птица
и небо внемлет откровеньям —
за Русь распятую молиться.

Елена САБЛИНА

* * *

Люблю пустые вечера
За лень и за покой.
Таким мой вечер был вчера
И нынче он такой.
И в комнате, открытой в сад,
Неубранной давно,
Я наблюдаю, как закат
Ползет в мое окно.
Как доживает нежный срок
И светится во мгле
Цветок, который занемог.
Скучая на столе.
Как тени темные слились
Под низким потолком...
Я знаю, есть высокий смысл
В безделии таком.

Андрей КЛИМОВ

ТРАВЫ

Вот и я, вот и я безработный,
И для сплетниц, и алчущих — бож.
Пусть галдят... если им так охота...
Все равно стороной не пройдешь.
Все равно за глаза да ославят,
Хоть недавно был, может, другим...
Травы, травы, о, русские травы,
Каким был... я остался таким!
Просто так получилось... Так вышло...
Для нас льется с небес синева...
Вы шумите, родные... я слышу
Все зеленые ваши слова...

ЗЕЛЕНЫЙ ЛИСТ (басня)

Слетел в траву еще зеленый лист...
На дереве ему житья не стало;
За то, что он, как не крутите: он!
Но те, которых рядышком немало,

А этот лист...
И это знает Высь!
Нигде и никому не слал угрозы.
Предпочитал он — силу доброты...

Мораль живущим:
Многие листы
Забыли... что и граждане Березы! —
Гордиться вправе

тем,
кем родились...

Артем БАБИЧЕВ

ОСЕННИЙ ПЕЙЗАЖ

Дома синими стоят.
Небо затянула катаракта туч.
Бывает, что и мысли иногда болят.
Запах хандры так едуч.

Вечер скорость набирает.
В каморках уж электрический свет
горит.

Природа, как ей положено, засыпает,
Но мороз к нам не спешит.

В лужах отражается настроение,
В лужах и вся эта пора.
Весело скачет только давление,
Что для гипертоников хуже топора.

Владимир БОРИСОВ

* * *

Как быстро догорело лето!
Как быстро пролетела жизнь!
И кажется, уж песня спета,
И песни не было, кажись.
Не потому ль грущу сердечно,
Что часто в жизни счастлив был?

Жизнь коротка — искусство вечно,
А я об этом позабыл.
Давно уже понять пора мне,
Что «я поэт» — одна молва.
Чтоб вырывать слова на камне,
Должны быть крепкими слова.

п. Кадуй

Наталья АДЛЕР

РУБЦОВСКАЯ ОСЕНЬ

Е. Волковой и И. Цветковой

Сентябрь позолотил листву
Как щедрый ювелир.
И осень грезит наяву,
Преображая мир.

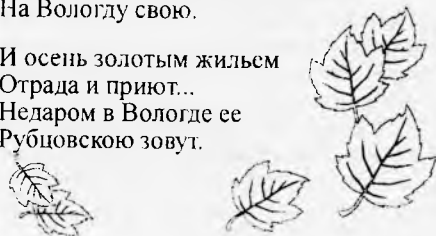
И снова вяжет листопад
Свой кружевной узор,
И листья весело летят,
Усеивая двор.

Летят они машинам вслед,
Вдоль улицы, к реке.
На берег, где любил поэт
Прогулки налегке.

Любил вечерние огни
Над Вологдой-рекой.
Высокий холм, и эти дни
С их тихою тоской.

И много было зим и лет,
Что счет вести былью?
Но смотрит бронзовый поэт
На Вологду свою.

И осень золотым жильем
Отрада и приют...
Недаром в Вологде ее
Рубцовскую зовут.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА МАТВЕЕВА

Встретились мы с Рубцовым в Вологде на семинаре случайно, я защищал там свою книжку. Многие читают свои стихи, как песок сыплут, и вдруг я вздрогнул: молодой человек в сером пальтишке читает такие изумительные стихи. Я подошел к Сереже Викулову и говорю:

— Кто это?

— А Николай Рубцов, — отвечает он.

— Откуда он?

— Я и сам точно не знаю. Знаю, что из Никольского, учится в Литературном институте.

Это было в 1965 году.

А в декабре этого же года Коля приехал в Бабаево. Мы подружились с ним. Однажды он говорит:

— Я хочу в деревню.

— Ах, ты в деревню хочешь?

А Вилиор работал уже у нас в редакции. Я спросил у него, можно ли отправить к нему Николу. Он говорит: «Пожалуйста». И Коля больше месяца жил у него в Афанасове. Как — то однажды еду в командировку в Борисово в колхоз им. Кирова, Коля, выскочил из дома Вилиора и говорит: «Никола, забери меня отсюда». Я отвечаю: «Подожди, Коля, я на один день, на обратном пути я тебя заберу». Приехали в Бабаево, он переночевал у меня, а у нас уже двое детей было, и я пообещал Рубцову найти ему комнату. Договорился я с комнатой, через пять домов от нашего, комната без мебели, одна кровать солдатская, стул и все. Хозяйка этого дома, Наталья Николаевна, следила за ним, баня у них была, стирала и готовила для него — в еде и одежде он был не прихотливый. Сейчас этот дом находится на улице 1-е Мая, 31. И вот в этом доме Николай жил примерно полгода (Приложение 1). Уехал весной. Когда Коля уезжал, на стадионе «Локомотив» В. Лукошников нас и сфотографировал.

• Он приходил ко мне часто, и на работу, и домой. А я старался к нему не заходить: пусть, думаю, работает, не буду мешать.

• Запомнился мне такой случай — все говорят, что он был пьяница, но я никак не мог поверить этому, не может быть, что Колька такой. Однажды идем на обед с Вилиором, я говорю ему: «Зайди в магазин, возьми «Старку», только наклейку сотри, а «Старка» похожа на белое вино «Мицнэ», которое всегда Коля пил, это слабое, яблочное вино, неплохое.

Вилиор купил, пришли на обед, я достаю суп из белых грибов и говорю: «Сейчас я вас фирменным блюдом накормлю». Открываю бутылку, разлил. В это время включил свой приемник, тогда в моду рок вошел, а Коля как закричит: «Выключи ты это бога ради!» не любил он такую музыку. Когда он выпил эту стопку и опять

на меня закричал: «Что ты наделал, я думал, что это беломищная». И сразу же ушел, я думал, что он на меня очень обиделся, но нет, на другой день утром приезжает и говорит: «Что ты, Никола, не надо мне такого кренкого, я-то думал, что вино слабое и взял стопку». Вот, не такой уж он и пьяница. Хотя многие, например, Есипов треплются, что Николай много пил. А близко его и не знали.

• Один раз приходят Вилиор, Коля, Валерка Аншуков, а я как раз в гости собирался к другу Генриху Романишникову, мы дружили семьями. Они ко мне пришли, а я говорю: «А пойдемте, ребята, все вместе туда». Приходим туда, а Коля увидел гитару и говорит: «Можно?», понастраивал, понастраивал и как бацнул это: «А замети метель, метелица, к... матери замети». А Валя-то Романишникова как раз в комнату заходит, Николай как эту гитару откинул: «Извините меня». Матюгов он не перебаривал, остерегался он их. Только вот тут такой случай вышел, а на гитаре я видел, как он играл.

• Как-то говорю Коле, а мы с ним за панибратски, неофициально обращались друг к другу: Никола, Микола, чего ты к этому шарфу прилип? (он всегда в шарфе ходил, его даже «шарфиком» прозвали в Литинституте). А он рассказал, что этот сероватый шарф ему связала и подарила Яшина Злата Константиновна. Николай был благодарен ей за это, носил его всегда и везде, а еще у него позднее красный шарф появился, его ему Дербина связала, не хочу ее даже по имени называть, эту «козырную даму».

• Несколько стихотворений Рубцова я давал в редакцию, гонорар — то маленький был. Приношу их редактору и говорю: «Эти стихи нужно напечатать, парню деньги нужны». Стихи публиковались. Хотя у него уже вышла первая книжка стихов в Вологде, деньги были там оставлены, позвонит туда и пришлют.

• Одно стихотворение он здесь, в Бабаеве, дописывал. Однажды спрашиваю: «Как называется селение в горах?».

— Аул, — отвечаю я.

— Нет, — говорит Рубцов.

— В степях — аал, в предгорьях Алтая — аил, — предлагаю я.

— Вот мне аил и надо.

И вот это «аил» появилось в стихотворении «Шумит Катунь»:

*В горах погаснет солнечный июнь,
Заснут во мгле печальные аилы...*

• О семье Николай почти не говорил и не вспоминал, разговора об этом никогда не было. Даже я и не знал, что у него были дочь и жена. Думаю, что когда Рубцов был у нас, они уже не жили вместе.

• В Бабаеве Рубцов был не раз, но мы с ним больше не встречались, я его больше не видел. Только радовался за него, когда Коля печатался в «Юности» и в других изданиях. Жалко парня, он только начинал тогда.

Прислала Н. В. Куимова

КАК РАБОТАЛ РУБЦОВ

Как-то раз на литературном вечере у Николая Рубцова спросили: «Расскажите, как вы пишете свои стихи?» Он ответил: «Очень просто — беру лист бумаги, ставлю сверху «Н.Рубцов» и записываю стихи столбиком». Откликом поэту было веселое полу-понимание слушателей.

Рубцов сам создал эту «легенду» и потом его друзья и близкие люди рассказывали сию правдивую историю другим. Эта легенда-быль почти соответствует истинному положению вещей. Поэт действительно, как и многие другие, слагал свои стихи в голове, «выхаживал» их, и шлифовал тоже в уме. Но, видимо, не всегда.

Тут надо учесть по крайней мере три момента. Во-первых, мы пока мало знаем о том, как работал Рубцов в отрочестве и юности — например, в годы учебы в горном техникуме и во время службы на флоте. Возможно, были у него и черновики. Вспомним, кстати, его собственные строки, более поздние: «Мне спать велят чистовики, вставать — черновики!...» Вероятно, на флоте, когда под рукой не всегда была бумага и карандаш, он обычно и «писал» в голове. И в деревне в летние месяцы 1963-65 годов тоже могло не хватать бумаги.

Во-вторых, в личном архивном фонде поэта в ГАВО (Вологда) все же есть определенное количество текстов (рукописи и машинописи), в которые Рубцов вносил правку — зачеркивал одно слово и заменял его другим, или вычеркивал одну-две строфы. Основная масса рукописей поэта более-менее изучена, кроме тех, которые недавно передала в Вологодский музей-заповедник В.А.Коротаяева.

Вот несколько примеров работы Рубцова над стихами. В сборнике «Звезда полей» есть строфа:

*Ты прости нас, полюшко усталое.
Ты прости, как братьев и сестер:
Может, мы за все свое бывалое
Разожгли последний наш костер...*
(«Нагрнули»)

Перед сдачей машинописи в издательство поэт от руки внес правку. Теперь строфа выглядела так:

*Ты прости нас, родина усталая —
Речка, церковь, поле, косогор.
Может быть, за все свое бывалое
Мы зажгли последний наш костер...*
(Публикуется впервые. — В. Б.)

Но правка эта не была учтена редактором, и вполне понятно почему. Зато другую правку в этом же стихотворении редактор принял, и теперь вместо строки «Разогнали мысли сиротливые» мы читаем — «Под луной, под гаснущими ивами...» (См. сб-к «Звезда полей» и журнал «Автограф». № 41, 2005.)

В одном из ранних вариантов ст-я «Ласточка» третья и четвертая строки звучали так: «Ласточка в горе великом Мечется, как никогда.» Поэт зачеркивает эти строки и вписывает сбоку другие: «Дети окрестные мигом Все прибежали сюда.» Есть в этом стихотворении и другие варианты слов по сравнению с окончательным текстом. (См. копию машинописи, которая экспонируется в вологодском музее Николая Рубцова.)

Вот еще два-три примера: Слово «восторженный» сын Рубцов меняет на «неведомый» сын в стих-и «Я буду скакать...» Слово «загадка» меняет на «частица» — «Я, как есть, частица мироздания...» (Стих-е «Поезд»). То есть не выпячивает себя, не выделяет. Как видим, во многих стихотворениях поэт убирает красоты, ложный пафос, упрощает и уточняет мысль. Кстати, в публикациях стихотворения «Я буду скакать...» есть два равноценных варианта одного слова: «Боюсь, что над нами не будет возвышенной силы» и «таинственной» силы. Видимо, и сам поэт не мог окончательно выбрать одно из этих слов.

Николай Рубцов безжалостно убирал иногда целые строфы, даже неплохие. Такова участь третьей строфы стих-я «Березы»:

*...О любви, которая мелькнула
Светом счастья, жгучею тоской
Посреди свирепого разгула
Ливней, листьев, ветра над рекой.*
(ГАВО, ф.51, ед.хр.32)

Интересно проследить работу над стихотворением «В больнице» (окончательный вар-т названия «Под ветвями больничных берез»). Написано оно летом 1970 года. Тут Рубцов работал на бумаге. Сделал несколько правок. Экономя время, скажу только о третьей строке стихотворения. Известно три основных ее варианта. Первый: «Из павлиньих как будто бы перьев». Второй: «Выткан весь из пурпуровых перьев». И, наконец: «Выткан весь из малиновых перьев Для кого-то последний закат...» (См. ГАВО. ед. хр. 36 и др. источники.) Ясно, что последний вариант лучше других, именно он вошел в посмертную книгу «Зеленые цветы» (1971). Может быть, здесь дело не обошлось без редактора.

Есть устное свидетельство о том, что даже в знаменитое стих-е «В горнице» Рубцов хотел внести правку. Уже сдав рукопись «Звезды полей» в издательство, он говорил, что хорошо бы заменить там два слова и сделать так:

*Ранние цветы мои
К вечеру завяли все...*

...И, наконец, надо уточнить бытующие в литературоведении понятия «беловой автограф» и «черновой автограф». Уже по тем рукописям Рубцова, которые хранятся в ГАВО, была заметна одна особенность творческой лаборатории поэта. Теперь, когда мы можем прочесть семь записных книжек Рубцова из собрания Виктора Коротаева (переданных в музей-заповедник), эта творческая особенность стала очевидной.

Для Николая Рубцова как бы не существовало понятия черновик, черновой автограф. Почти каждую свою рукопись он создавал как беловой автограф. Для него была очень важна графическая красота и чистота рукописи, стихотворения. То есть, он мог несколько раз (иногда подряд), с некоторыми вариациями строк и строф, переписывать одно и то же стихотворение. Причем набело! Конечно, основная ра-

бота и тут совершалась в голове, но отчасти как бы и на бумаге, рукой, при переписывании. Так в записных книжках Рубцова мы рядом находим несколько вариантов стихотворений «В минуты музыки» и «Пальмы юга». И все это — беловые автографы. Поэт не любил пачкать бумагу исправлениями, портить внешний вид рукописи. (Как Пушкин, например.) И вот один из этих вариантов мог оказаться «окончательным», о чем мы (читатели) узнавали чуть позже — при публикации стих-я в газете, журнале, книге. Ну, и конечно, «самым окончательным» вариантом мы признаём тот, который адекватен последней прижизненной публикации. Если она авторизована. Но и тут надо сделать оговорку. В те времена, когда жил и творил Рубцов, авторская воля в редакциях и издательствах учитывалась далеко не всегда, не полностью. Об этом я уже говорил на примере стихотворения «Нагрянули». Некоторые стих-я или строки поэт даже и не предлагал в печать, понимая, что цензура их не пропустит. Замечу попутно, что Рубцову попадались и отличные редакторы. Например, В.Семакин раза 2–3 удачно поправил рукопись «Звезды полей».

Краткий вывод. Почему так работал Рубцов? Видимо, многое шло из детства, как и каллиграфический почерк поэта. Тогда бумаги почти не было, и дети писали на старых газетах и книгах, между строк. Сформировалось уважение к чистому листу бумаги.

В зрелые годы Рубцов нигде не служил, не работал, и можно сказать — имел избыток досуга. Переписывая раз за разом одни и те же стихи, он, вероятно, отвлекался от грустных мыслей, успокаивался, находя радость даже в такой почти механической работе. Психология, конечно же, должна учитываться в литературоведении. Но подробнее об этом — в другой раз.

Мануил СВИСТУНОВ

* * *

*На открытие памятника
Н. М. Рубцову
26 июня 1998 г.*

Озябший средь божьего лета,
С дорожною думой в мозгу,
Опять ты стоишь без билета
В толпе на крутом берегу.

И как ни томись, ни надейся —
Такое уже не впервой, —
Не будет отрадного рейса
На Тотьму, к Николе, домой.

И ты поневоле, как птица,
Начнешь про себя напевать.
Есть птице водица напиться,
Нет птице гнезда ночевать.

А люди в трудах беспредельных,
Забыв про житейский уют,
В вагонах, забоях, котельных —
Везде твои песни поют...

Николай КУЗНЕЦОВ

В. Белкову

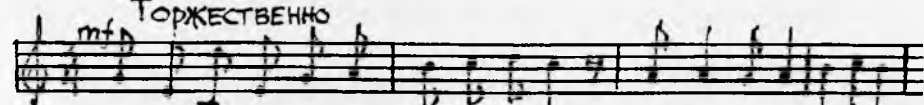
Писал немало о поэте,
Наверно так его любил!
И в новом ярком милом свете
его, любя, изобразил!
Отобразил его страданья,
метанья, уютное жильё!
Как рос без племени и званья,
но имя высветил своё!
Теперь оно по всей планете
как вещий колокол звенит,
облокотившийся на ветер,
реку и море, и зенит!

СТАРАЯ ДОРОГА

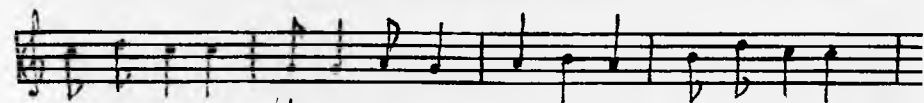
Стихи Н. М. Рубцова

Мелодия В. М. Бакуменко

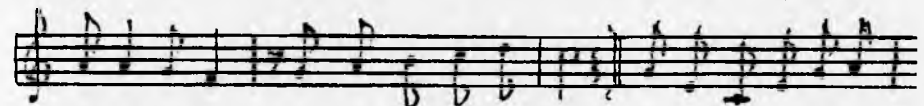
Торжественно

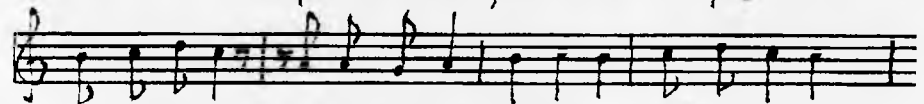
Всё облака над ней, всё облака... Вплы-ли веков мгновенья

и незримы, И-дут по ней, как прежде, плы-ли-гримы,

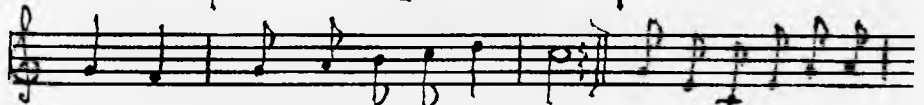
И машет им прощальная ру-ка. На встречу им и-коль-

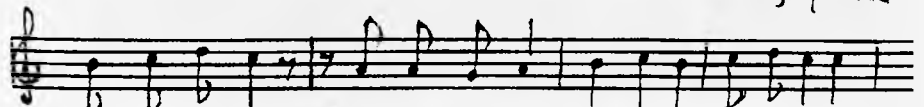
ские деньки Идут в нетле-нной синенькой ру-башке,

По сторонам ка-ча-ют ся ромашки И зной

зве-нит во все свои звон-ки. И в темь зовут росис-

ты-е ле-са... Как царь любил бо-га-ты-е чертоги,

Так полюбил я древние дороги, И голубые вечности глаза!

ЗДЕСЬ КАЖДЫЙ СЛАВЕН — МЁРТВЫЙ И ЖИВОЙ
И ОТТО-ГО, В ЛЮБВИ СВОЕЙ НЕ КАЯСЬ, Ду-ша, как лист,
ЗВЕ-НИТ, пе-рекликаясь со всей звеня-щей
СОЛНЕЧНОЙ ЛИСТВОЙ. Пе-рекликаясь с теми кто про-и-дет
Пе-рекликаясь с теми, кто про-хо-дит... Здесь русский дух
В ВЕКАХ про-и-зо-шел, И НИЧЕГО НА НЕЙ
НЕ ПРОИ-СХОДИТ. Но э-тот дух про-и-дет ЧЕРЕЗ ВЕКА!
И ПУСТЬ ТРАВой ПОКРОЕТСЯ ДОРОГА, И ПУСТЬ НАД НЕЙ, ПЕЧАЛЬНЫЕ НЕМНОГО,
ПЛЫВУТ, ПЛЫВУТ, как мысли, ОБЛА-КА...

1.12.2004
Москва

ОН СРАЖАЛСЯ ЗА РОССИЮ

(Памяти Михаила Сопина)

В прошлом году ушел из жизни русский поэт Михаил Николаевич Сопин (1931–2004). Если бы он оставил только сборник стихотворений «Молитвы времени разлома», поэт с полным правом стоял бы в ряду таких имен: Александр Солженицын, Даниил Андреев, Варлам Шаламов, Борис Чичибабин... Это их спас Господь Бог в чудовищных застенках, чтобы они поведали миру Правду от имени миллионов погибших ни в чем не повинных соотечественников.

Михаил Сопин не ограничился военной и лагерной темой. Поэт до конца своих дней с болью сердечной писал о новых чудовищных временах, новых испытаниях нашего народа...

Поэта Михаила Сопина всю жизнь держали, как говорится, в темном теле, создав ему репутацию «мрачно смотрящего» на нашу чрезмерно «веселую» и «радостную» действительность. Только в конце жизни Михаил Сопин получил аудиторию, о которой мечтал всегда: общаться со своими читателями, эту возможность поэту предоставил Интернет... Во всемирной паутине Сопин нашел ценителей, поклонников и друзей, которые в полной мере сумели оценить его недожженный талант и несчастью встречающееся мужество: смотреть Правде прямо в глаза и говорить Правду везде и всегда, чего бы это тебе ни стоило. Хотя Михаил Николаевич отчужденно понимал:

*Свободно мыслить —
Значит быть мишенью.*

Жизненный и творческий путь М.Н. Сопина — тема для захватывающего романа, эпоса. И их непременно когда-нибудь напишут. Для таких явлений в литературе нужна большая историческая дистанция. Современники, как правило, не в состоянии бывают разглядеть и оценить по достоинству таких художников, мыслителей, борцов. Это блестяще сформулировал С.А. Есенин: «Большое видится на расстоянии...».

И все же литературная судьба Михаила Николаевича Сопина сложилась и состоялась при жизни. Произошло это благодаря выдающемуся критику и историку литературы Вадиму Валерьевичу Кожинову и жене поэта Татьяне Петровне Сопиной. Роль Кожинова в поддержке словом и делом многих писателей и поэтов еще оценит по достоинству история отечественной культуры и литературы. И если В.В. Кожинов очень точно выбрал место для творческой работы и становления поэта Михаила Сопина, посоветовав ему поселиться после освобождения из лагеря в Вологде, то Т.П. Сопина отказалась от своей успешной карьеры незаурядной журналистки и всю жизнь посвятила творчеству мужа. Сейчас, после ухода Михаила Николаевича из жизни, Татьяна Петровна приводит в надлежащее состояние творческое наследие замечательного поэта.

Сейчас мы все должны всячески способствовать тому, чтобы широкие читательские круги получили возможность открыть для себя новое крупное имя в русской поэзии. Пишущий эти строки предложил подборки стихотворений Михаила Николаевича Сопина новому великолепному альманаху Московского писателя «Академия поэзии» и знаменитому журналу «Юность», где они и появятся в скором времени. Святой долг Вологодского отделения Союза писателей России подготовить Собрание сочинений М.Н. Сопина. Выдающийся русский поэт заслужил право остаться в отечественной литературе и продолжать сражаться своим правдивым словом за Россию.

Виталий Бакуменко, 2005

Михаил СОПИН

* * *

Сочувственно, жалеючи, потупясь,
Мне говорят:
«Тебе не повезло...»
Мне повезло,
Я ненавижу тупость —
Добро без прав
И праведное зло.
Пока венец культуры —
Страх и сабля,
Не может быть и речи о любви.
Есть разложение,
Раздвоенье рабье
И ханжество
Пред Богом
И людьми.

* * *

История не учит ничему.
В ней можно правду
Выдать за чуму,
А если надо —
И чуму за правду.
И выпестовать
Скопище глупцов,
Чтоб спутать все —
И не найти концов.

* * *

Любвевождизм
Чеканит наши лица.
Так мало умных и красивых лиц.
Видать, нет сил
Самоопределиться.
Живем —
В себе поверженными ниц.
Поди, уклад столетий опровергни!
Не изгнан,
Не осужден,
Не убит.
Живу на взрыве

Двух больных энергий —
Своих страданий
И чужих обид.
Мадам, Россия,
Облестают листья?
В глазах твоих откуда эта стынь?
На рынке изнасилованных истин
Горит наследство
Попранных святынь...

* * *

Нет, жизнь моя
Не горький дым.
Я не свожу с тобою счеты,
О чем ты, Родина,
О чем ты?
Я жив
И, видит Бог,
Любим.
Могли бы все пройти вдвоем!
Не по моей вине разлука...
Пришел,
А в имени твоём
Ни смысла прежнего,
Ни звука.

ПОМНИ

Нету на земле таких идей,
Чтобы ради них
Губить людей.
Помни,
Твое имя —
Человек,
Не ссылайся на жестокий век:
Вглядывайся, думай!
Не молчи.
Веком могут править палачи.
Если
Наши
Жертвы
Нипочем —
Государство
Стало
Палачом.

Виктор ТИХОНОВ

Ростов-на-Дону

К РУБЦОВУ

И не в Ялту, и не в Нищу,
А в Николу ездил вот.
Чтобы низко поклониться
Тихой родине его...

Что там Ялта, что там Ницца!
Вот Никола — это да!..
Мне теперь ночами снится
Та — рубцовская! — звезда...

ЭПОХА «ОХА»

Мы точно узнаем.
Есть жизнь ли иная,
Какое-то время спуста...
Ах, мне бы остатки
Днейков моих сладких
Не перевести на пустяк!

Настала эпоха
Всеобщего «оха» —
Да есть ли тут кто-то живой?!
Ни в жизни, ни в счастье,
Ни в дружбе, ни в страсти
Не смыслит никто ничего!

Все нынче — при деле,
Живут на пределе,
Нажива одна на уме.
Хотели свободы —
Хлебнули заботы,
И вновь копошимся во тьме.

Наивные люди,
Нас нет и не будет,
Пока мы висим на крючке!
А жизнь ведь — не клетка,
Не кросс, не рулетка,
А краткий полёт налегке...

Пари над толпою,
Цари над судьбою.

Сори жемчугами души!
День зимний и летний
Цени, как последний! —
И в мир ты иной не спеши...

НА КРАЮ ГЕОГРАФИИ

На краю географии
Есть затерянный край.
Без властей и без мафии
Там устроился рай.
Как в начале творения,
Там природа чиста! —
Только благодарения
Там лепечут уста...

На краю географии
Горизонт не высок.
Славно людям потрафили
Там волна да песок.
Весь во власти беспечности
Наслаждайся, шуги! —
И частицею вечности
Ты себя ощути...

На краю географии
Так хотелось бы жить,
Чтоб тобою не правили
Слуги денег и лжи! —
Сяду в белый кораблик я,
Чудаком прослыву,
И на край географии
Убегу, уплыву...

ЕЩЁ НЕ КОНЕЦ

Если душевная драма
Давит меня, как свинец,
Я повторяю упрямо:
— Это ещё не конец.

Если обыденной нормой
Стала жестокость сердец,
Я повторяю упорно:
— Это ещё не конец.

Если богатый разбойник
Тащит любовь под венец,
Я повторяю с мольбою:
— Это ещё не конец.

Если дремучий невежда
Учит людей, как мудрец,
Я повторяю с надеждой:
— Это ещё не конец.

Если реальность-паскуда
В петлю толкает певца,
Предупреждаю вас, люди:
— Это — начало конца...

СОБЫТИЯ

В декабре 2005 года в музее «Литература. Век XX» (Герцена, 36) состоялся вечер воспоминаний о Рубцове «Что вспомню я?». Участвовали друзья и однокашники поэта — С.Багров, Г.Семенова, Ю.Пономарев, А.Лебедева и другие. Вели вечер М.Грибанова и В.Белков.

В Москве 24 января в Государственном музее А.С.Пушкина прошел литературно-музыкальный вечер, посвященный великому русскому поэту Николаю Рубцову. Кроме известных музыкантов и певцов на вечер были приглашены московские и вологодские писатели — М.Карачев, В.Оботуров, В.Белков, С.Багров и др. Большую подготовительную работу к вечеру провел Вологодский государственный музей-заповедник.

Первый номер «Литературной газеты» за 2006 год открыт серией материалов под рубрикой «Звезда Рубцова», посвященной 70-летию великого национального поэта.

Вышла книжка стихов Рубцова на английском языке — «Избранное», Москва, Зеленоград, 2005. Переводчик — Любовь Калмыкова.

Сергей Лагереv из Сургута выпустил книгу «Душа хранит» — каталог выставки своей частной рубцовской коллекции. Интересно.

ИЗ ПИСЕМ ЧИТАТЕЛЕЙ

«Прочитал 40-й «рубцовский» номер журнала «Автограф». С большим удовольствием. И с горечью узнал о гибели единственного внука великого поэта...»

В.Коробов, Череповец

«Люблю женскую поэзию нашего края. Считаю, что книги О.Фокиной, Н.Груздевой, Л.Тепловой, Е.Саблиной и нек. других быть должны в каждой библиотеке...»

А.Смирнова, Вологда

«С интересом встречаю каждую новую книгу В.И.Белова. А недавно издали красивую «детскую» книгу, где под одной обложкой два великих писателя современности — Рубцов и Белов.»

С.Голубков, Сокол

«...Жду от “Автографа” новых хороших стихов, и поменьше графоманов печатайте.»

А.Зайцев, Сокольский район

«ХОРОВАЯ ТЕТРАДЬ» ИГОРЯ БЕЛКОВА

Имя Игоря Анатольевича Белкова сегодня известно вологжанам — любителям хоровой музыки, как автора одной из замечательных песен о нашем городе. Став визитной карточкой целого ряда хоровых коллективов, исполнявших ее во многих городах России и за рубежом, песня «Вологда» явилась и музыкальным приветствием многим Всероссийским и Международным хоровым конкурсам и фестивалям. Покая сердца слушателей простотой, душевностью и искренностью, она заявляет о композиторе, как о музыканте, обладающем редким творческим даром — находить яркие и запоминающиеся мелодии.

Вологжанин по рождению, здесь он получил профессиональное образование, закончив факультет музыки и пения Вологодского педагогического университета (в те годы — института) и признание, как композитор.

В 1982 году — был удостоен первой премии на областном конкурсе композиторов-любителей, представив такие произведения, как баллада на стихи Ю. Леднева «Устюженский чеснок» и песню «Юг-река» на стихи А. Игошева, и в этом же году — Диплома Лауреата Всесоюзного фестиваля патриотической музыки за хоровой цикл на стихи Ф. Тютчева.

В 1999 году — исполнение хором мальчиков Детского музыкального театра г. Вологды произведения на стихи Н. Рубцова «До конца» было отмечено специальным Дипломом конкурса детских хоров «Радуга детства» в городе Кирове «За лучшее исполнение произведения местного автора».

В последние годы И.А. Белков работает преподавателем детской музыкальной школы и учителем музыки и пения в общеобразовательной школе поселка Куркино Вологодской области, что нашло отражение в появлении серии тетрадей песен для школьников: «Остров счастья» (1998 г.), «Осеннее» и «Нет на свете краше родины моей» (1999 г.), «Огурцы — в кадушке...» (2001 г.).

Настоящий сборник — это своеобразный творческий итог работы автора в области хоровой музыки. Разнообразный по жанрам и стилям, он включает в себя сочинения, исполняемые различными хоровыми составами, как в сопровождении фортепиано, так и а capella. Здесь и стилизация английского народного напева в изложении для детского хора — «Стрела и песня» на стихи Р.Л. Стивенсона; и цикл хоровых зарисовок-картин для женских голосов на стихи Ф. Тютчева; и возрождающийся сегодня жанр хоровой песни, уникальный в истории музыкальной культуры России XX века — «Вологодский лес» на стихи Н.Панкова; и развернутое полотно, обращенное к нашей истории — «Устюженский чеснок», озвучить которое под силу лишь хорошо подготовленному коллективу смешанного хора.

Первоосновой для хоровых композиций И. Белкова стали, в основном, стихотворения популярных поэтов вологодчины — Н. Рубцова, С. Викулова, Ю. Леднева и малоизвестной сегодня прозы, точнее философских размышлений композитора В. Гаврилина, что еще раз указывает на особую глубинную связь автора сборника с корнями и духом родной земли.

Темы Родины, ее истоков, культуры, духовности, к которой автор обращается на протяжении всего своего творчества в жанре песен для детей, здесь находит новое воплощение. Это и отголоски старинных монастырских напевов («Дмитрия полки»), и сдержанный монолог-молитва («До конца»), и полные скорби и покаяния перед образом русской женщины-матери размышления зрелого, глубокого и тонко чувствующего человека.

«Хоровая тетрадь» — включает сочинения композитора, свободно владеющего всеми средствами музыкальной выразительности, такими как мелодика, темп и метр, динамика, гармонические краски, а также знающего природу и возможности певческого голоса, что проявляется в характере использования им в хоровой палитре таких важных составляющих, как хоровой ансамбль и хоровая фактура.

С творчеством композитора И. А. Белкова тесно связаны многие хоровые коллективы нашего города: это и хоры Детского музыкального театра — хор мальчиков под руководством заслуженного работника культуры М.П. Недзельской и хор Школы искусств под управлением А.А. Герасимовского; и молодежный камерный хор «Кантилена» под управлением заслуженного работника культуры В.С. Белякова, хор Вологодского музыкального училища под управлением Л.Л. Шуваловой, хор Вологодского педагогического колледжа под управлением В.Н. Заболоцкой и многие детские хоровые коллективы.

Уже сегодня его хоровые сочинения исполняются любителями хорового пения в городах России, в связи с чем думается, что появление этого сборника будет с интересом встречено руководителями академических хоров — детских, молодежных, учебных, профессиональных и любительских, и послужит делу прославления нашей замечательной вологодской земли и ее народа.

Людмила Шувалова

*Руководитель академического хора
Вологодского музыкального училища*

НАШ СОВРЕМЕНИК

Почти месяц я живу под впечатлением от прочитанных книг Николая Зиновьева, снова и снова заглядываю в них и удивляюсь-радуюсь тому, что не оскудевает Русь талантами.

А это талант особенный, вызванный сначала тревогой в благополучные. казалось бы, еще времена, тревогой, ощущаемой только очень чуткими душами, а затем и обрушившимися на Россию несчастьями. Этот талант отличен от других еще и тем, что он немногословен в стихе и четок в выражении мысли, он строки не напевает, как это часто бывает в поэзии, а вырубает настолько мощной и ударной, неожиданной мыслью, мыслью точной и яркой, что это производит сильное, если не оглушающее впечатление. Все дороги в поэзии уже проторены, их так много, этих проторенных дорог, что поэт, даже ни на кого не похожий, как правило, идет по чьему-то следу — быть может, уже и заросшему или только-только пачатому, который он продолжает.

Николая Зиновьева сравнить не с кем. там, откуда он берет свои слова, никто никогда не бывая, это словно бы и не взгляд и не суд современника, а доносящееся

из земных глубин суровое и праведное о нас мнение тех, кто имеет на него право. Тайке слова сейчас и нужны.

Можно только поздравить Кубань: опять на ее земле появился поэт огромного дара.

В. РАСПУТИН

«ПИСАТЕЛИ И ПИПЫ»

Власть за столетия выработала два способа взаимодействия с этой чересчур влиятельной особой — русской литературой. Власть её или просто душила, или душила в объятиях, но всегда при этом внимательно прислушивалась к мнению отечественной словесности.

И вдруг в начале 90-х был изобретён третий способ: на смену писателям, властителям дум, пришли ПИПы — персонифицированные издательские проекты. Именно они населили телеэкран, их саженные портреты появились в витринах магазинов, они начали произносить речи на общенациональных торжествах, им стали посвящать подножные звёзды на тротуарах...

Юрий Поляков

* * *

— Вам знакомо имя писателя, историка Эдварда Радзинского?

— Радзинский? Это тот, который написал о Николае I и о Распутине? Я считаю, что он жулик. Он два раза приходил ко мне, до того, как писал о Распутине. Моя книга тогда уже вышла. Я ему её подарила. И он скопировал целые страницы. И когда вышла его книга, я думала ему делать процесс. Он мне позвонил из Москвы, чувствовал, вероятно, назревающую для него неприятную ситуацию. Я ему сказала, что собираюсь с ним делать процесс. Он был крайне озадачен. В конце концов никакого процесса не делала, слишком это дорого и длилось бы долго. Так что его не люблю.

М. Деникина

Валерий ХАТЮШИН

ЗАМЕТКИ

После опубликования в «Российском писателе» двух своих критических статей «Без Божества» и «Во имя Истины», посвященных творчеству поэта Юрия Кузнецова (еще при его жизни), я, с одной стороны, получил очень много солидарных, одобрительных откликов от самых разных писателей, но с другой стороны — встретил откровенную злобу. Незначительная часть моих коллег почему-то решила, что в русской критике все должны думать одинаково.

Но ведь многие обращали внимание на то, что стихи Кузнецова переполнены холодными головными сентенциями. Он зарифмовал уйму анекдотов, известных баек, легенд, пока наконец не добрался сначала до «Слова о Законе и Благодати» Иллариона, а потом — до Евангелия. Наверное, он искал значительную тему, ему нужно было найти достойную опору. Но если евангельский текст художник использует, как глину, для творческого самовыражения, то это уже — самое тривиальное богоборчество.

* * *

В.Бондаренко в который уж раз пытается хоть как-то меня уязвить в печати после моих статей о последних поэмах Ю.Кузнецова. «Сколько бы В.Хатюшин ни ходил в церковь, он никогда не достигнет уровня Ю.Кузнецова», — опять упрямо повторил он в своей газете. Но все дело в том, что главная мысль моих статей как раз и заключалась в том, что поэмы Ю.Кузнецова о Христе, наоборот, лишь удаляют нас от Православной Церкви...

Нельзя Евангелие ставить в один ряд с мифологическими сюжетами. Бондаренко этого не понимает. Точно так же он, ставя Ю. Кузнецова в один ряд, через запятую, с И. Бродским, а Т. Глушкову с Ю.Мориц, уводит читателя и от Глушковой, и от Кузнецова.

А. СОЛЖЕНИЦЫН

В череде обозреваемых современных писателей с большими подробностями и не в одном своём очерке обращается Золотусский к Василию Белову, особенно выделяя поэтичность этого прозаика во многих его книгах — как в «Ладе», так и в других: «О чём бы ни писал он — он всюду поэт», «а «Привычное дело» потрясло меня, это была поэма, а не повесть». И в «Росстанном холме», «Плотницких рассказах», «Братьях» — «мотив прощения, милосердия и незлобivosti за трудную прожитую жизнь». Ещё ж и «народное слово, живорождённое», фольклорное богатство; и органическая связь с русской традицией, «учительский дух русской литературы бродит в книгах Белова», «в нём отзываются родные голоса русской классики».

Вообще справедливо подытоживает Золотусский: «Деревенская проза — лучшее, что появилось в нашей литературе за последние [70-е] годы».

БЕСЕДА С ПИСАТЕЛЕМ

Сегодня интервью нашему корреспонденту дает писатель Вячеслав Белков

Корр.: Вячеслав Сергеевич, что сейчас больше всего вас волнует?

В.Белков: Конечно, положение России. Неумелое реформирование, разгул «свободы», коррупция во власти, обнищание и вымирание народа. А ведь есть у кого учиться — у Китая, Норвегии и т.д. Но, видимо, система настолько прогнила,

что менять ее сложно. Мы в каком-то «бесконечном тупике». Хотя надежды еще остаются, без них мы не могли бы жить и работать.

Корр.: Что вы думаете о вологодской литературе и о журнале «Автограф»?

В.Б.: Пока журнал «Автограф» — единственный литературно-художественный журнал в Волог. области. Есть еще поэтический журнал «Окраина» в Череповце и газета «Литературный Маяк». Конечно, возможности «Автографа» невелики, но ведь вышло уже 40 номеров, и в них печатались А.Грязев, В.Елесин, А.Цыганов и Н.Груздева, Ю.Максин и Д.Ермаков, С.Чухин и А.Пошехонов, Н.Бушенев, К.Павлов, А.Климов и множество молодых авторов. Я уже не говорю о постоянном внимании журнала к наследию Н.М.Рубцова и творчеству вологодских художников. И не только вологодских. Большую помощь нам оказывает известный московский коллекционер и журналист В.М.Бакуменко.

В вологод. литературе происходит смена поколений. Еще работают В.Белов, О.Фокина, И.Полуянов... Но вы посмотрите, с каким интересом читатели открывают сейчас, например, книги наших поэтов — Ю.Максина, В. Мишенева, Н. Сидоровой, В.Кудрявцева, М.Карачева, Е.Саблиной, И.Чурбановой, А.Широглазова и многих других. Только ситуация в стране — экономическая и издательская — мешают им выйти на всероссийский уровень. А наши барды во главе с Л.Ковалевой, Т.Орловой, А.Хазовым уже давно поют песни на стихи этих замечательных поэтов нового поколения.

ПАМЯТИ КОЛЛЕГИ

ПОГИБ НЕВОЛЬНИК ЧЕСТИ

Умер Александр Сидоренко, талантливый писатель (член Союза писателей России) и журналист. За последний месяц на страницах «Речи» имя Сидоренко упоминалось дважды в связи с выходом новых книг: сборника его рассказов «Невольник чести» и словаря языка Рубцова. Словарь составил его отец, известный череповецкий языковед Михаил Сидоренко, а Александр после его смерти сделал многое, чтобы словарь напечатали. Тематика большинства рассказов и статей Александра Сидоренко — проблемы современного подростка. Материал для творчества брал из жизни — немало лет Александр Михайлович проработал в школе учителем русского языка и литературы.

Сергей ВИНОГРАДОВ

КНИЖНАЯ ПОЛКА

М.Суров «Рубцов», документы, фотографии, свидетельства, Вологда, 2006. 744 стр. Подзаголовок этого почти энциклопедического издания — «Материалы уголовного дела, неизвестные фотографии, новые свидетельства.»

М.Сидоренко «Словарь языка и рифм поэзии Рубцова», научное издание, Череповец, 2005. Годы жизни автора: 1935–2000.

В.Личутин «Грустная сторона славы», статья в газете «Завтра», № 2, 2006. Автор «приписал» стихотворение Тютчева Рубцову.

В.М.Бакуменко «В.Кунташев. Книжные знаки», книга-альбом, Вологда, 2006. Тираж 200 экз.

Вяч.Белков «Жизнь Рубцова», 2-е издание, Вологда, 2006. Переиздание книги, которая стала библиотечной редкостью. 150 руб. с пересылкой.

Николай Рубцов «Избранное», Вологда, «Книжное наследие», 2005. Составитель В.Н.Бараков.

Н.Зиновьев «Новые стихи», М., «Вече», 2005. Талантливый поэт из Краснодарского края.

О.Чернорицкая «Я повинюсь облакам», стихи, Вологда, 2004. Серия «Вологда. 21 век».

«Семицвет», стихи, посвященные Вл.Корбакову. Вологда, 2005. Рисунки М.Копьева.

С.Орлов и С.Чухин «После боя», стихи, Вологда, 2005. Серия «Лики лирики», составители В.Белков и М.Иванов.

Андрей Климов «Под русским солнцем», стихи, В.Устюг, 2005. Постоянный автор нашего журнала.

«Независимая газета» опять «отличилась», опубликовав 19 января 2006 статью о Рубцове со странным названием «Под водой». Содержание не менее странное, хотя есть и удачи.

«Автограф» № 41, журнал, Вологда, 2005. Авторы и герои номера — Н.Рубцов, В.Бакуменко, О.Фокина, П.Шабанов, Ю.Максин, Е.Саблина, С.Есенин, К.Павлов, А.Якуничев, А.Родина и др.

Вяч. Белков. «Как работал Рубцов», ж. «Дон», № 1, 2006.

Николай УСАНОВ

ОТВЕТ МАРСА

Выбирая место для посадки на Марсе, вдруг увидели наши четырехэтажную площадку. Изумились, заинтересовавшись: на снимках вещь на все сто земная! 4 лестницы шириной метр каждая ведут на свой этаж с 4-х сторон. Приземлились наши возле площадки. Бетон и перила, как у лестниц земных. Кто строил? Людей и других существ вблизи нет. Сделали наши тут себе базу. Любили с верха площадки глядеть вдаль. Заметили в бинокль светлую точку. Развели. Там каменные изваяния динозавров. Длинной метров по 50. Где люди, сделавшие изваяния и площадку? Наши нашли марсианский народ вви, ростом метр с немногим. Наша электронно-вычислительная машина их языку научалась и переводила. Утверждают вви, что площадку сделали не они. Живут в пещерах, строить не умеют. Строят — марида, ростом гиганты, как и земляне. 8 тысяч лет назад вви и марида единым народом были, но по росту разделились и не контактируют.

Искали наши марилов, но не нашли. Насмешил наш по прозвищу Рыба-с. Правильнее не Рыба-с, а Рыбас. То еврейская, то есть не буквенная, а слоговая, аббревиатура прозвища: Рыжий Большой Сашка. Он рассказал все те дела в письме на Землю приятелю, Кольке Барабулькину. А тот ответил, что марида — черти и практически всегда невидимы. А насчёт изваяний вви утверждали, что там не изваянья, а живые динозавры! Наши кричали: — «Как же живые, если не движутся!» — А вви, что движутся — на ширину волоса за миг. Наши насели на своего профессора — пусть статуи исследует! Он исследовал. Узнал, что в них кремний постепенно заменяется на кислород. Значит, статуи оживут. Через какое время? Узнал профессор: через тысячу лет.

Успокоил он всех. Тут вспышка на Солнце. Реакция замены стала в миллион раз быстрее! Динозавры ожили. Догадываетесь, куда двинулись? К землянам. Те сидели на площадке, травили анекдоты матерные. Колька после утверждал, что именно анекдоты матерные привлекли динозавров. Ему справедливо указали, что динозавры речь не понимают. А Колька разъяснил, что невидимые марида и глами тыкали динозавров, заставляя наступать на землян. А марида разбирают речь людскую лучше, чем даже ЭВМ наша речь марсиан. Ведь марида 8 тысяч лет живут на Земле, лишь изредка прилетая на Марс.

Перед динозаврами к нашим прибежали вви — предупредить. Среди наших были парни с прозвищами Черный Дьявол и Рыжий Дьявол. Эти напарники на Земле на улицах своего города били инвалидов. А теперь на Марсе, вместо стрельбы в динозавров, из садистских побуждений стали в вви стрелять. Начальник наших разъярился, грозил Дьяволов убить за стрельбу в вви, какие пытались землян спасти. У него на глазах Дьяволы перестали в вви стрелять. Но затем при стрельбе в динозавров нет-нет да и в вви стреляли! Так что люди, подлые, невзирая на любые угрозы, все равно сумеют подлость сделать. Многих из вви убили. Другие вви, видя, что все равно Дьяволы в них стреляют, бежали. Лишь единственный из вви

герой не бежал, а землякам разъяснял, что те зря метят в середину туши динозавра: там пули застревают, чудовищ не убивая. Вви указывал землянам в точку на морде, в какую точку следует целить. Но Рыжий Дьявол, недовольный, что какой-то недоносок указывает силачам, застрелил и того вви. Так благодаря Дьяволам были земляне съедены динозаврами.

Назавтра на Земле выпали куски оболочек облаков. Моя мать рассказывала, что в годы ее детства люди находили после гроз куски оболочек облаков. Их существование и тем подтверждается, что облака не бесформенны. Многие девятилетия спустя мыслители могут утверждать задним умом, что тогда выпадение оболочек предвещало разруху и войны, «девятьсот голодные годы» (по выражению народа), колхозы, смертность, репрессии, Лубянку и ГУЛАГ, «Хатынь и братские могилы».

А теперь кое-где оболочки упали на автостраду. Их бульдозером спихали к обочине а на всякий случай закинули брезентом. Шла машина, на брезент наехала, куски оболочек из-под него выехали. Шел гражданин, склонился над ними. Из них рука вылезла, его внутрь утащила. Шла женщина. Видит: пьяный у брезента сидит и беседует. Женщина: — «Толкуешь с кем?» — «С корешем», — указал. Из оболочки торчит голова. Явилась под нею метровая шея. Голова укусила пьяницу за задницу. Он умер.

После того, как динозавры съели наших космонавтов, высокие марсиане-марида завладели нашим космическим судном. На нём прилетели на Землю, невзирая на то что раньше тысячи раз в космосе летали «на своих двоих» (крыльях). А зачем им судно? Его сажали на высокие дома, те разрушались, а марида на судне взлетать успевали. Люди из крупных городов бежать пытались, но марида ездить поездам не давали, зачастую переключая семафоры на красный. А на автобусы и машины нападали оборотни, эльфы (тролли, гномы, вампиры, вурдалаки, волкудлаки, упыри, демоны, кикиморы, анчутки, беспятки, шишиги, одменки, лешие, лешахи, лесунки, развилы и некашные. Мароды иглами выгнали из глубин морей плезиозавров и в реки загнали, так что плезиозавры не давали людям из крупных городов ни на лодках, ни на судах убежать. Так что стали наши из городов в села перевозить людей на космических судах.

На такое судно попал и Колька Барабулькин. Стал убеждать капитана улететь на Венеру, бросив Землю, разбитую маридами. Благодаря системам жизнеобеспечения люди, немногие, могут жить на Венере и даже на Луне. Колька убедил капитана улететь на Венеру. Но тут на них напали марида в захваченном ими на Марсе судне. С него снаряд в наше попал. К изумлению всех, наше судно выдержало удар. Раньше наши с маридами не сражались, непобедимыми их считали. Но тут нашему некуда деваться, так как судно марида нападает снизу, не дает нашему на Землю спуститься. Выдержав удар, расхрабрился капитан и нанёс маридам-врагам ответный удар. Судно марида уничтожил!

ВИТАЛИЙ БАКУМЕНКО

ЧУВСТВО ВРЕМЕНИ

(Памяти Юрия Великанова)

На рубеже 20–30-х годов прошлого века петербургская школа графики потеряла несколько первоклассных художников-графиков, которые только начинали свое творческое восхождение. Был среди них и Юрий Великанов, ушедший из жизни в тридцать лет. Такая короткая жизнь талантливого художника была исключительно насыщена творческим поиском. На посмертной выставке в Русском музее было показано художественное наследие Юрия Великанова, которое поразило всех не только уровнем, но и масштабом созданного. Словно предчувствуя, что ему отпущен короткий срок земного пребывания, Юрий Великанов сумел максимально спрессовать время и насытить каждый миг жизни, посвятив его вдохновенному творчеству.

Уроженец Одессы Юрий Великанов очень рано проявил свое незаурядное дарование. Уже в юношеском возрасте он активно работал в Политпросвете: рисовал плакаты и делал роспись интерьеров в различных учреждениях города на Черном море.

В 1920 году Юрий Великанов переезжает в Петроград и поступает на графический факультет Декоративного института. Получив профессиональное образование, Юрий Великанов сначала работал в области агитационно-политического искусства и как художник-дизайнер. Но вскоре он сосредоточил всю свою энергию на своем главном призвании художника-графика. Много гравирова на линолеуме, металле и в технике литографии, Юрий Великанов большое внимание уделял также рисунку, акварели, монотипии, темперной живописи. Прекрасно проявил себя молодой художник и как незаурядный портретист, анималист и мастер архитектурного пейзажа.

В последний год жизни, находясь в санатории в Царском Селе, уже безнадежно больной Юрий Великанов создал прекрасную серию оптимистических по мироощущению акварелей пушкинских парков.

В последние годы жизни Юрий Великанов создал и 36 книжных знаков. Именно эти удивительно тонкие и изящные книжные миниатюры не позволили забыть имя одареннейшего графика. Увлеченный коллекционер и пропагандист искусства экслибриса, член знаменитого Ленинградского общества экслибрисистов (ЛОЭ) П. Е. Корнилов много сделал для того, чтобы имя Юрия Великанова осталось в истории искусства экслибриса. Он писал о художнике статьи, включал его поэтические миниатюры в экспозиции выставок. Однажды П. Е. Корнилов привез экслибрисы Юрия Великанова в Москву и познакомил с ними столичных коллекционеров и ценителей искусства книжного знака. К 113-му заседанию Московского клуба экслибрисистов была выпущена специальная памятка с тезисами доклада П. Е. Корнилова «Жизнь и творчество Юрия Петровича Великанова (1904–1934)». В этой памятке был помещен также полный список экслибрисов художника, вели-

колепный гравированный автопортрет Юрия Великанова 1927 года и девять наиболее характерных его знаков. В тезисах доклада Корнилов писал:

«В семье ленинградских графиков 30-х годов особое место принадлежало Юрию Петровичу Великанову. Он выгодно выделялся своей молодостью, талантом и необычайной творческой напряженностью. Несмотря на немногие годы, прожитые им, он оставил художественное наследие настолько значительное и своеобразное, что мимо него пройти историку советской графики нельзя. Он обладал чувством времени и замечательными эмоциями художника реалиста и романтика. Он новаторски шел вперед, опираясь на славные традиции мирового искусства».

Сейчас мы впервые знакомим наших читателей с экслибрисным творчеством Юрия Петровича Великанова. Поэтому еще отметим, что все знаки мы воспроизводим в натуральную величину. Художник прекрасно понимал природу книжного знака. Об этом свидетельствуют не только оптимальные габариты всех его миниатюр, но и их шрифтовые композиции, с явным предпочтением русского начертания «Из книг», «Книги», «Собрание» и даже «Книжный знак». Создавая книжные знаки, Юрий Великанов предпочитал линогравюру (в том числе и цветную), но несколько сюжетов выполнил и в техниках офорта и литографии.

В будущей энциклопедии по искусству экслибриса Ю. П. Великанову будет посвящена персональная статья. Имя талантливого художника останется в истории русского изобразительного искусства.

КНИЖНЫЙ ЗНАК

Москва

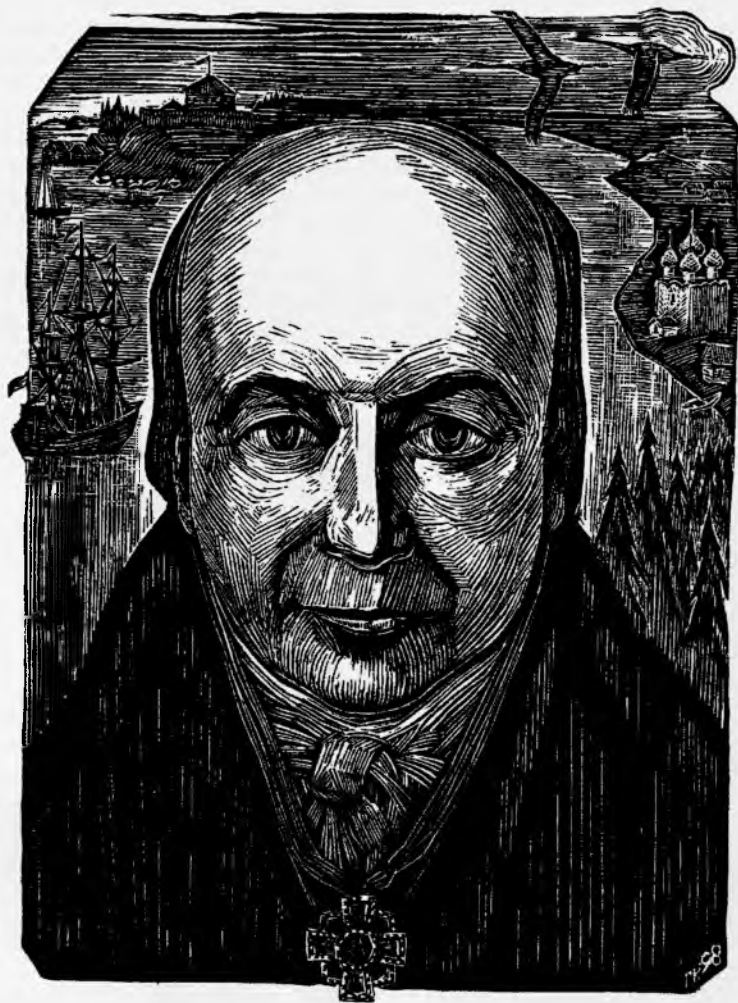

- G. VELIKANOW - 1927 -

Геннадий КУЛИШОВ

г. Киргополь

Землепроходец А. Баранов.
Гравюра.

Николай НЕЙМЕШ

Показываем сегодня два новых экслибриса работы замечательного украинского художника Николая Неймеша. Желаем ему новых успехов.

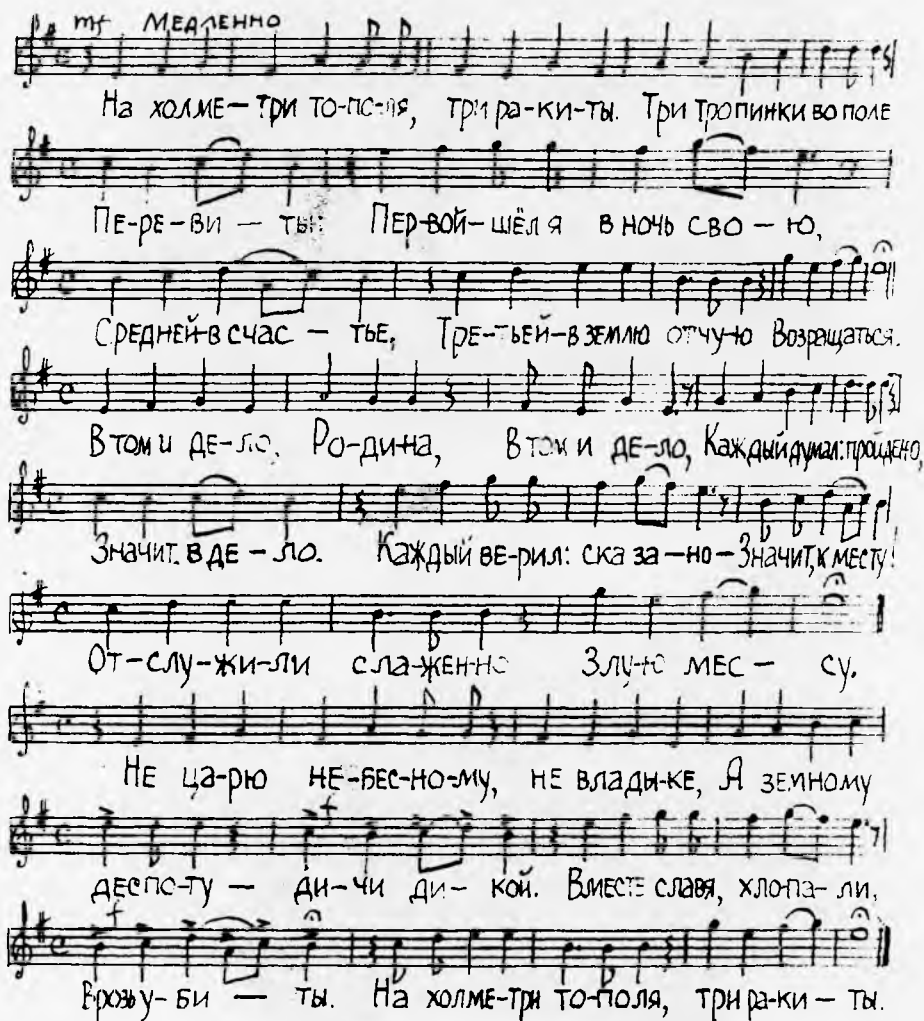

НА ХОЛМЕ — ТРИ ТОПОЛЯ

Стихи М. Н. Сопина

Мелодия В. М. Бакуменко

mf МЕДЛЕННО

На холме — три то-по-ля, три ра-ки-ты. Три тропинки во поле
Пе-ре-ви — ты: Пер-вой — шёл я в ночь сво — ю,
Средней в час — тьё, Тре-тьей — возьму отчуж-ден-но Возвращаться.
В том и де-ло. Ро-дина, В том и де-ло, Каждый думал: прохо-дено,
Значит, в де-ло. Каждый ве-рил: ска-за-но — значит, к месту!
От-слу-жи-ли сла-жен-но Злу-то мес-су.
Не ца-рю не-бес-но-му, не вла-ды-ке, А зем-но-му
деспо-ту — ди-чи-ди-кой. Вме-сте сла-ва, хло-па-ли,
Вро-зу-би — ты. На холме-три то-по-ля, три ра-ки-ты.

11.05.2005
Москва

ПОТОЛОК

Иду, пиная тупым носком плюшевой тапки горошину, отколовшуюся от асфальта. Увертливый бездушный пористый шарик то и дело пытается улизнуть от меня — то влево, то вправо.

Вовремя возвращаю его на «дистанцию». И снова — попытка побега. Неожиданно решительная, удивительно отчаянная. Беглец спрыгивает с бордюрного выступа и устремляется на кишашую железом дорогу. Истерия машин, истерия водил.

— Те чё?! Жить надоело???

Мне? Доли секунд стою на дороге. Вглядываюсь в сиротливый шарик всего в двух метрах от меня. Почти решаюсь. Но, понимаю, визжащие и шарахающиеся в разные стороны бездушные лошади не дадут достигнуть цели. Поднимаюсь на тротуар. Спокойно, пусто, ровно. Тоскливое путешествие не предполагает спутников. Провожатый исчез, и тут же начинает пожирать мутная трясина липких воспоминаний.

...Протухшая забегаловка. Туман из табака. Луна из закоптившейся лампочки. Толпа в судорогах музыки. Тут и там — прилипшая парами к влажным от пота стенам «золотая молодежь». Спиртная эйфория. И... насмешливая сильная рука, извлекающая из пекла.

Синяя бездна. От воздуха, шатнувшего свежестью, ошалевшее небо закручивается в воронку. И ты — вместе с ним...

— Э-эй, маленький! Что, совсем тошно?

Тошно. Верное русское слово, заклеившее растительную жизнь. Вязкое болото, вялые морды, неразборчивые телодвижения.

— Ну скажи хоть что-нибудь.

Скажу, кажется, кому-то сейчас. Немолодая мужская особь, змеиной рукой обвившая мою талию, по-видимому, напрашивалась на неприятности. Мутно-голубые глаза выворачивали наизнанку. Сочувствующе-печальная ухмылка топила душу, которая каплями струилась по щекам и постепенно испарялась.

— Чего надо?

...Вся отвратительность провинциальных проулков в том, что они заканчиваются, так и не начавшись. Еще не успеваешь ощутить причастность к ним, как очередной тупик заставляет начинать все заново. Сегодня выбираю бездорожье. Загадочное и незнакомое. Запинаюсь неуклюжими тапками за холмы пожухшей листвы. Не зная, что ждет под каждым из них, не очередным ли провалом обернется хождением по ним...

Мы одновременно решили ходить вместе. По дорогам. Извилистым, незнакомым, желанным, нужным. Просто так, не прося взамен друг у друга даже нежности. Мы имели друг над другом потрясающе сильную власть. Кто, кроме нас самих, был в нашей двужизни? Какая, черт возьми, разница! Было общее небо. Необъятное, распахнутое, светлое. И обрушившееся на нас неподъемной тяжестью в самом начале исполнения надежд.

...Огромное поле, обнимаемое гребенкой леса. Ребристая речка, охраняющая дряхлую избушку. Притихшее море на голове. Теплая нежность, разлитая по телу души. Ощущение голых ног на теплом от неутомимого солнца плотике. Шальная радость от дрыгающегося поплавок. Кроткое касание родной щеки, дурманящий

запах щетины. Пожар нетопленной печки. Коричневая капля над правой бровью. Губы на капле. Россыпь звезд сквозь дубовую раму окна. Судорожная свежесть ночной реки. Луна-шпион. Роса на его руках — на моих щеках. Скорый отъезд, и машина по встречной...

Всему виной небо — потолок, который мешает по-настоящему взлететь. А Бог — чердачный домовый. Он заставляет тебя шмелем плутать по замкнутому кругу при любой попытке оказаться выше. И этот грязный тротуар, по которому иду я в хлябющих от сырости тапках, всегда — дорога к дому. Который я без спросу покинула утром, в который в сопровождении вернусь вечером. Дому, в котором рисовал свои последние эскизы Врубель.

Марина КУРИЛОВА

Александр ДУБИНИН

ЗВЕЗДНЫЕ МЫСЛИ

Меньше страдать, больше наслаждаться. Человечество всмятку.

Как можно одновременно быть: и слабой, и сильной, не по-человечески множественной. Плакать и, чуть погодя, драться. Могла бы и стукнуть. Снисходительно отбила удар. На провокации не отвечаем. Не сказала, но подумала. Родовая обязанность выучила всему. Мужик еще пригодится. Ей видней, где. Другого-то нет.

Любовью смутит любого... и люблю.

Стихия способна поглощать, а не творить.

Силы у нее огромные. Захотела бы, спасла. Губить слаще.

Мужчина в ней слабее женского, — космического.

Губить меня, не значит спасать себя.

В.Соловьеву хорошо на философской льдине. А мне со свободной шлюхой жить.

Она ломает автомобиль, чтобы ехать.

Чем успешней любовь, тем сильнее желанье другой любви: окончательной, бесповоротной.

Играть на ее поле: врать, изворачиваться, исчезать в оттенках.

Адам Еве: «От ребра!»

Сотворена такую или все же стала?..

Ломает меня по пруту.

Спрашивает, читая вышенаписанное: «Сбежал?» «Посторонился».

Весь ужас любви, что существо ее не в голове.

Мы теряем желанья и приобретаем скуку. Ты отдала вечность другому.

Теперь ясно, где у женщин вечность обретается. Измена по семейным обстоятельствам.

70 летию со дня рождения
поэта Николая Рубцова
посвящается...

Проект Ю. Маринь и Андрея Кошалева
«ЧТО ВСПОМНЮ Я?»
фотографии на стихи
Н. Рубцова

Стихи - Н. Рубцов
Перевод - ©2005 Л. Калмыкова
Составление композиции -
Ю.М. Кошалева 2005 г.
Портрет Н. Рубцова из архива М. и А. Кошалева
Фото, дизайн - ©2005 А. Кошалева

Ничего, ничего, ничего...

В жарком тумане дня
Сонной безразличия широт!
- Да, капитан! Море
Нервно прыжи на борты!

Ничего, ничего, ничего...
Мило потянувшись плечом,
Мило черкочки ваял,
Мило сеномный драм...

Скучнее жизни — прощ!
Душата и фумата — лени!
Звезды на небе — ноги!
Салюты на небе — дека!

Ничего, ничего, ничего...
Мило родной ветки,
Мило забывая нас
Мило саратовская шаг...

Если чужа — на мне
Не жаркая оля!
Вот же передай родке
И посылки меня.

Три в зарплате, зарплата
Ничего, давай же, мей.
Каждому на Руси
Матрешки — добрый крестик!

Ничего, ничего, ничего...

Н. Рубцов

SAIL, SAIL, SAIL...

Translated by Lyubov Kalmykova
Hot is that fog of the day.
Let's shake up sleepy fiord!
--- Hey! Captain! Have your say!
Take me the first on board!

Sail, sail, sail
Passing by ancient graves,
Passing by church's frames,
Family conflicts, decays...

Boning thoughts --- out of mind!
Laziness --- out of sight!
Stars in the sky mean night,
Day --- when the sun is bright

Sail, sail, sail
By native trees, by gales,
By dear orphans' eyes
Waiting for us and nice...

If I am gone --- for me
Don't you burn a candle!
Come to my grave to see.
News to my relatives handle.

Let dwellers of distant ends
Tell of my tomb under moss.
To everyone in my land
Monument is just a Cross!

Sail, sail, sail...

ТЕЛЕГРАММА:

Поздравляем авторов журнала Юрия
Максина, Вячеслава Белкова, Виталия
Бакуменко, Елену Саблину и других
с присуждением Литературных премий
московского журнала "Юность" за
2005 год...

Читатели Череповца.

АВТОГРАФ

Литературно-художественный журнал

42

Обществ. совет: А. А. Грязев, В. С. Белков, Ю. П. Малоземов,
В. М. Бакуменко, Ю. М. Максин, А. А. Пошехонов, А. П. Смолин,
М. А. Полетова, М. А. Григорьев, Т. А. Лавтакова, Н. Т. Бушенев,
К. А. Павлов, Н. Б. Шилова

Мнения авторов могут не совпадать с мнением редакции.
Адрес для писем: Вологда, ул. Герцена, 36. Союз писателей.
Вячеславу Белкову

Сдано в набор 18.02.2006. Подп. в печать 07.03.2006.
Заказ № 733.

Вологда
2006